

**Отзыв оппонента на диссертацию Василия Васильевича Кричфалушего
«Природа языческой религии в творениях апологетов II–III вв.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата богословия**

Диссертация В. В. Кричфалушего представляет собой солидный опыт комплексного исследования вынесенной в заглавие проблемы. Находясь на пересечении патрологии, догматики и религиоведения, работа обращается к каждой из этих сфер, тем самым расширяя видение предмета и отдавая должное столь востребованной в наши дни междисциплинарности. По своей эрудиции, комплексности охвата и обоснованности выводов проведенное исследование не уступает ни отечественным, ни зарубежным аналогам. Причем привлекаются не только «сверхпопулярные» Иустин, Климент, Ориген и Тертуллиан, но и вся традиция апологетики в целом (очень обстоятельный раздел посвящен, например, св. Феофилу Антиохийскому), а также сщмч. Киприан Карфагенский. Поэтому итоговые выводы автора о совершившемся в трудах апологетов синтезе раннехристианской, иудейской и античной философской традиций критики языческой религии (с. 269) обоснованы источниками. Радует, что практически все произведения были прочитаны или, по крайней мере, просмотрены в греческом или латинском оригинале в новейших критических изданиях, доступных на данный момент (если таковые имеются). Хотелось бы пожелать, чтобы автор в будущем смог войти в центральную для отечественной науки санкт-петербургскую патрологическую школу (у ее истоков стояли еще В. В. Болотов, Б. А. Тураев, да и семья прот. И. Мейендорфа до революции проживала на Васильевском острове).

Попытаемся поэтапно рассмотреть данную диссертацию и основные достижения автора. Ключевой мыслью, проходящей в начале и конце работы, является положение о том, что христианство «расколдовывало» универсум языческого народного сознания (с. 5): это означает, что, по мнению подавляющего большинства апологетов, причины язычества – воздействие на

сознание и психику людей злых духов, а сами боги язычников – бесы (с. 7, 192, 195–196, 202, 218–219, 264, 268–269; Пс. 95: 5) или фикция (по Афинагору, с. 91). Подобная критика обрядов и гаданий содержалась еще в «Халдейских оракулах» (с. 51). Оказывается, термин «расколдование» применим не только к той ситуации, которую имел в виду Макс Вебер (утрата большинством европейцев связи с Богом в XIX в.), но и к отдаленным временам мировоззренческой борьбы в начале нашей эры. Безусловно, это давнишнее по времени возникновения объяснение идет дальше столь модного ныне психоанализа.

Подчеркивание Татианом того, что после Страшного Суда злые духи будут претерпевать вечные «мучения с бессмертием» (см. с. 62), призвано дать решительный отпор, помимо прочего, и тем верованиям о метемпсихозе, которые, как показывает исключительно ценное исследование Б. А. Успенского, фиксируются у восточных славян еще в начале XX в.¹ Соответственно, та высокая метафизика, о которой идет речь в рассматриваемой диссертации, являлась (как мы можем с уверенностью полагать) ответом на реальные вызовы язычества как (по архим. Хрисанфу, 1873) «религии натурализма», пантеизма и природно-космического всеединства (с. 30, 32). Развивая, в частности, идеи В. В. Бычкова, автор пишет о том, что «апологеты стремятся определить новую модель подлинной культуры с иной утверждающейся мировоззренческой системой и жизненным укладом» (с. 23), в то же время тяготея «к преодолению языческой греко-римской культуры посредством ее самой» (с. 140), т.е. путем показа ее негативных сторон. Не последнюю роль в создаваемой ими модели играют проблемы этики (с. 23) – как будет и на закате империи, скажем, в уникальной по глубине охвата нравственной проблематики культурологии Феодора Метохита. Вместе с тем, важно наблюдение автора на с. 104 о том, что Феофил Антиохийский апеллирует не только к

¹ Успенский Б. А. Метемпсихоз у восточных славян // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3 / под ред. Б. А. Успенского, Ф. Б. Успенского. М., 2014. С. 7–20.

нарождающейся христианской интеллектуальной среде, но и к языческим вольнодумцам и просветителям. К сожалению, в наши дни такой диалог (положим, Вольтера с Боссюэ или даже Льва Толстого со св. Иоанном Кронштадтским) трудно представим, и не по вине деятелей Церкви.

Сказанное уже позволяет оценить степень актуальности диссертации. Однако работа В. В. Кричфалушего содержит большее. Взять, скажем, мысль Татиана о том, что магия – служение демонам (с. 68). Сразу же можно заметить: в таком случае не случайным оказывается и то, что, к примеру, Один – центральная фигура в древнескандинавском пантеоне – предстает перед нами и как великий маг². Не случаен и оглушительный успех недавней эпопеи о Гарри Поттере. Приведённые факты показывают, что язычество отнюдь не собирается сдавать позиции. Поэтому и появление такого рода диссертации более чем закономерно и оправданно.

В целом, для апологетов (Татиан) было понятно, что источник зла, суеверия и язычества кроется в свободной воле людей (с. 68, ср. с. 94 – о том же у Афинагора), а не в Боге (по Шеллингу), «несотворенной свободе» (по Бердяеву) и т.п. Поэтому и сейчас они оказываются, как правило, впереди нашей нынешней философии, в массе своей антиметафизической. На перспективу интересной задачей было бы сравнить – генетически и типологически – критику язычества у апологетов и антиоригенистскую полемику св. Максима Исповедника, полную возвышенного философско-богословского содержания и в таком своем качестве уже ставшую предметом изучения в трудах П. Шервуда, Г. И. Беневича и других патрологов. Ведь и фатализм, являющийся предметом третьей антиномии Канта, согласно св. Иустину Философу и Мученику – измышление коварных демонов (с. 54, 55), и с православной позиции иначе быть не может: свобода – важнейшая черта образа Божия в нас, о чем с такой убедительностью благовествует св.

² *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев / пер. с фр. Т. В. Цивьян. М., 1986. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). С. 141–145.

Григорий Нисский. Поэтому автор диссертации и раскрывает положение Афинагора о том, что языческое богословие разрушает истинное учение о Боге как о Нерожденном (с. 82).

На с. 84, стр. 3-4 сн., всё же понятие δύναμις лучше переводить «сила», а не «сущность», и аргумент Афинагора оказывается типологически и стадияльно предваряющим известные доказательства св. Василием Божества Св. Духа: если деятельность стихий тварная, то и сущность их будет тварной. Известно, что Афинагор учил и об общей силе (энергии) Божества, так что его богословие придаёт весьма большую значимость энергийным понятиям и процессам. Хотелось бы знать мнение уважаемого диссертанта по этому вопросу.

Интересно раскрытие учения Афинагора о частичном Промысле ангелов над сотворенным Богом миром (с. 88 – 89). Было бы интересно узнать, есть ли параллели к этому учению у других апологетов. По крайней мере, в XIV в. некоторые антипаламиты начнут привлекать дополнительное внимание к этому учению, в прямом смысле «перекладывая» часть функций Промысла на сотворенных духов. Правы ли мы, полагая, что у Афинагора еще и близко нет ничего подобного и что он не «меряет силами» ангелов и Бога?

В диссертации немало тонко прописанных мест – например, к ним относится анализ трех ступеней бесовского прельщения, по Афинагору (с. 94) или семи путей возникновения идолопоклонства, по Клименту Александрийскому (с. 129, 262). Важно наблюдение о том, что Тертуллиан рассматривает весь пантеон своих противников (с. 243). Иначе говоря, прежде чем критиковать разные стороны языческой римско-карфагенской культуры, вплоть до театра (с. 217), апологет самым серьезным образом изучил их. Не так же ли поступали и свящ. Павел Флоренский или Ханс Урс фон Бальтазар? А подобное отношение к театру, кстати, встречается и в

«Моей жизни во Христе» Иоанна Кронштадтского, что еще раз заставляет задуматься о преемственности между умозрениями апологетов и новейшей христианской мыслью.

Из важных проблем, затрагиваемых автором ближе к завершению диссертации, отметим сделанное им указание на разную оценку судьбы Римского государства богословами (с. 268). Можно указать, что именно позитивной оценке его роли у Тертуллиана, Мелитона и Оригена предстояло большое будущее (вспомним хотя бы Рождественскую стихирную Кассии: *Августу царствующую на земли...*). И тут – опять же – мысль апологетов соприкасается с будущим. В комплексном показании различных подобного рода смысловых валентностей этой живой и пульсирующей мысли – одно из главных достоинств разбираемой нами диссертации.

Из небольших неточностей работы отметим разве что указание автора на то, что Аммиан Марцеллин – историк IV в. до н. э. (в действительности – IV в. н. э.) (см. с. 132, прим. 672). На с. 158, прим. 806 фамилия французского ученого читается Тутэн, а не Тутаин, а на с. 102, прим. 522 – Луази, а не Лоизи, равно и на с. 228, 234 – Пепен, а не Пепин. Понятно, что эти французские транскрипции не меняют общего высокого впечатления от работы в целом.

Итак, согласно с п. 8 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК РФ следует признать настоящее диссертационное исследование самостоятельным и законченным научным произведением, которое желательно было бы издать в виде монографии, а его автора Кричфалушего Василия Васильевича – признать достойным присуждения искомой ученой степени кандидата богословия.

Доктор философских наук, профессор и
зав. кафедрой общих гуманитарных дисциплин

ФГБОУ ВО «Уральская гос. консерватория им. М.П. Мусоргского»

Д. И. Макаров

6.03.2020

